

Новая интеллектуальная биография Макса Вебера*

HÜBINGER G. (2019). MAX WEBER: STATIONEN UND IMPULSE EINER INTELLEKTUELLEN BIOGRAPHIE. TÜBINGEN: MOHR SIEBECK. XI, 419 S. ISBN 978-3-16-157581-5

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Очередная посвященная Максус Веберу книга вышла за год до нынешнего веберовского юбилея: 14 июня 2020 года отмечалась 100-летняя годовщина со дня смерти классика мировой социологии. Ее автор Гангольф Хюбингер — известный немецкий специалист в области интеллектуальной истории, бывший профессор сравнительной истории культуры и старший научный сотрудник Центра «В/Orders in Motion» Европейского университета «Виадрина» (Франкфурт-на-Одере). Его предшествующие работы в основном посвящены проблемам культурной истории модерна, истории идей, религиозной и интеллектуальной культуре Германии, а также истории исторической науки. Так, его перу принадлежат труды об историке и политике XIX века Г.-Г. Гарвинусе¹, о взаимоотношении либерализма и протестантизма в Германской империи², о выдающемся исследователе античности и нобелевском лауреате Теодоре Моммзене³, о политической роли интеллектуалов⁴ и др.

Систематически идейное наследие Макса Вебера Г. Хюбингер изучает с 1980-х годов, когда он вместе со своим научным руководителем, крупным западногерманским историком Вольфгангом Моммзеном (1930–2004) принял участие в издании веберовского Полного собрания сочинений (Max Weber-Gesamtausgabe), все 47 томов которого вышли к 2020 году. Он непосредственно работал над публикацией четырех томов мегапроекта: сначала помогал В. Моммзену при издании ре-

---

* Публикация подготовлена в рамках проекта «От политической теологии до когнитивистики: новые альтернативы, новые вызовы или новые ресурсы социальной теории?», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

1. *Hübinger G.* (1984). Georg Gottfried Gervinus: Historisches Urteil und Politische Kritik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

2. *Hübinger G.* (1994). Kulturprotestantismus und Politik: Zum Verhältnis von Liberalismus und Protestantismus im wilhelminischen Deutschland. Tübingen: Mohr Siebeck.

3. *Hübinger G.* (2003). Theodor Mommsen und das Kaiserreich. Friedrichsruh: Otto-von-Bismarck-Stiftung.

4. *Hübinger G.* (2006). Gelehrte, Politik und Öffentlichkeit: Eine Intellektuellengeschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

чей и сочинений Вебера времен Первой мировой войны⁵, а затем занял место своего учителя в редакционном совете. Уже под редакцией самого Хюбингера вышли тома, содержащие незавершенные работы классика по социологии государства⁶, его письма начала XX века⁷ и 1870–80-х годов⁸. Его перу также принадлежит работа, помещающая Макса Вебера в ряд других публичных интеллектуалов XX века, понимаемых им в качестве «ангажированных наблюдателей модерна»⁹.

Рецензируемый здесь том структурно представляет собой сборник из 21 текста, написанных в два захода: четыре — между 1988 и 1995 годами, остальные — между 2004 и 2018 годами. Их содержательное ядро возникло именно в ходе работы исследователя над «*Max Weber-Gesamtausgabe*», когда ему посчастливилось близко познакомиться и тесно сотрудничать с крупнейшими вебероведами мира: Вольфгангом Шлюхтером, М. Райнером Лепсиусом, Гюнтером Ротом, Эдит Ханке, Хинерком Брунсом и другими выдающимися знатоками веберовского наследия.

В связи с деятельностью Г. Хюбингера как публикатора работ классиков нужно вспомнить о другом важном для него издательском мегапроекте. Он также член редакционного коллектива, работающего над таким амбициозным замыслом, как 26-томное Полное критическое собрание сочинений крупного теолога и философа культуры Эрнста Трёлча, кстати, бывшего важным участником веберовского круга в Гейдельберге. Так, при непосредственном участии историка уже вышли тома, посвященные политическим и культурно-философским сочинениям Трёлча 1919–1923 годов¹⁰, его докладам о религии и философии истории в Англии и Шотландии¹¹, а также письмам 1919–1922 годов¹². Кроме того, он — один из издателей специализированного журнала¹³ и книжной серии по социальной истории литературы.

Исследовательские интересы автора нашли свое отражение в тематике рецензируемой книги, которую он сам определяет как «интеллектуализацию», являющуюся

5. *Weber M.* (1984). *Zur Politik im Weltkrieg: Schriften und Reden 1914–1918* / Hrsg. v. W. J. Mommsen, in *Zus.-Arb. m. G. Hübinger (Max-Weber-Gesamtausgabe. Band I/15)*. Tübingen: Mohr Siebeck.

6. *Weber M.* (2009). *Allgemeine Staatslehre und Politik (Staatssoziologie) — unvollendet. Mit- und Nachschriften 1920* / Hrsg. v. G. Hübinger in *Zus.-Arb. m. A. Terwey (Max Weber-Gesamtausgabe. Band III/7)*. Tübingen: Mohr Siebeck.

7. *Weber M.* (2015). *Briefe 1903–1905* / Hrsg. v. G. Hübinger u. M. Rainer Lepsius in *Zus.-Arb. m. Th. Gerhards u. S. Oßwald-Bargende (Max Weber-Gesamtausgabe. Band II/4)*. Tübingen: Mohr Siebeck.

8. *Weber M.* (2017). *Briefe 1875–1886* / Hrsg. v. G. Hübinger in *Zus.-Arb. m. Th. Gerhards u. U. Hinz Max (Weber-Gesamtausgabe. Band II/1)*. Tübingen: Mohr Siebeck.

9. *Hübinger G.* (2016). *Engagierte Beobachter der Moderne: von Max Weber bis Ralf Dahrendorf*. Göttingen: Wallstein-Verlag.

10. *Troeltsch E.* (2002). *Schriften zur Politik und Kulturphilosophie 1919–1923* / Hrsg. v. G. Hübinger in *Zus.-Arb. m. J. Mikuteit*. Berlin: De Gruyter.

11. *Troeltsch E.* (2006). *Fünf Vorträge zu Religion und Geschichtsphilosophie für England und Schottland. Christian Thought: Its History and Application (1923) / Der Historismus und seine Überwindung (1924)* / Hrsg. v. G. Hübinger in *Zus.-Arb. m. A. Terwey*. Berlin: De Gruyter.

12. *Troeltsch E.* (2015). *Spectator-Briefe und Berliner Briefe 1919–1922* / Hrsg. v. G. Hübinger in *Zus.-Arb. m. N. Wehrs*. Berlin: De Gruyter.

13. <https://www.degruyter.com/view/journals/iasl/iasl-overview.xml>

юся для Вебера парным понятием к «рационализации»¹⁴. В ней Хюбингер пытается дать свои ответы на ключевые вопросы современного вебероведения: какие импульсы интеллектуализированной и сциентизированной «действительности» рубежа XIX–XX веков воспринял Вебер? Каким образом он сам своими работами способствовал рационализации и интеллектуализации мира модерна? Этот двойной вопрос является сквозным для всего тома (S. 6).

Нужно сразу сказать, что обсуждаемая здесь книга неизбежно попадает в один ряд с другими недавно вышедшими биографиями классика¹⁵. Отметим при этом, что из последних веберовских жизнеописаний сам Гангольф Хюбингер по содержательным причинам выделяет именно книгу «Жизнь между эпохами», написанную франкфуртским журналистом Юргеном Каубе¹⁶. В качестве обоснования историк ссылается на замечание Ральфа Дарендорфа в адрес веберовских биографов, сделанное им в известной работе «Макс Вебер и современная социальная наука»¹⁷: вместо того, чтобы героизировать Вебера в духе его жены Марианны или Карла Ясперса, следовало бы отобразить его титаническую личность как интеллектуальный «центр силы», сублимировавший собственную страсть к знанию о реальном мире в социологию как «науку о действительности». В этом смысле Хюбингер солидаризируется с Каубе в том, что наука не просто вносит решающий вклад в расколдовывание мира: если речь идет о внутреннем смысле «науки как призвания», то он заключается в саморасколдовывании современного культурного человека, в его самопросвещении путем избавления от иллюзий и заблуждений эпохи. При таком подходе максимой веберовской социальной науки становится если не решение жизненных проблем, то борьба с ложью жизни посредством предметного и последовательного вклада ученого в культуру модерна¹⁸.

Понятно, что в целом обстоятельства жизни Вебера хорошо известны исследовательскому сообществу благодаря трудам предшествующих биографов, начиная с Марианны Вебер. Поэтому в каждой новой биографии, тем более интеллектуальной, часто речь идет не столько об открытии ранее неизвестных фактов, сколько об их новой интерпретации и даже нюансировке тех или иных аспектов жизни классика, когда подчеркиваются, иначе контекстуализируются или впервые от-

---

14. Ср.: «судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией...» (Вебер М. (2006). Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН. С. 545).

15. Radkau J. (2005). Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München: Hanser; Kaesler D. (2014) Max Weber: Preuße, Denker, Muttersohn. München: C. H. Beck; Lepsius M. R. (2016) Max Weber und seine Kreise. Essays. Tübingen: Mohr Siebeck; Müller H.-P. (2020) Max Weber: Eine Spurensuche. Berlin: Suhrkamp.

16. Kaube J. (2014). Max Weber: Ein Leben zwischen den Epochen. Berlin: Rowohlt. (русский перевод: Каубе Ю. (2016). Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. М.: Дело). 27 апреля 2017 года в Германском историческом институте в Москве прошла презентация русского издания книги с участием автора книги и рецензента: https://www.youtube.com/watch?v=XtSMwaUddxo&feature=emb_logo.

17. Dahrendorf R. (1988). Max Weber und die moderne Sozialwissenschaft // Mommsen W. J., Schwenkter W. (Hrsg.) Max Weber und seine Zeitgenossen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. S. 785.

18. Kaube. Op. cit. S. 377.

крыто тематизируются определенные моменты. Книга состоит из пяти примерно равных по объему разделов. Представим кратко каждый из них, выделяя при этом содержательные акценты, расставленные Г. Хюбингером в рамках «интеллектуалистского» подхода к биографии Вебера.

Раздел I «Буржуазное ведение жизни и научная ориентация» (S. 11–83) включает в себя главы об образовательной социализации Вебера в привилегированной среде крупной буржуазии эпохи Бисмарка, о его жизни в качестве частного ученого после вынужденного прекращения университетской карьеры в 1903 году, а также о новом порядке знания в начале XX века и о специфическом языке веберовской «науки о действительности». Из данного раздела хочется выделить главу 1, посвященную школьным и студенческим годам молодого Макса Вебера (S. 13–33). Помимо погружения читателя в интимную среду разветвленного веберовского семейства, биограф на основе сохранившейся переписки между юным Максом и другими родственниками реконструирует элитарный жизненный мир берлинской либеральной буржуазии 1870–1880-х, которому с ранних лет принадлежал будущий классик социологии. Исследователь убедительно показывает, что так потрясавшая позже многих личностная и интеллектуальная независимость Вебера во многом обусловлена постоянным общением со знаменитыми политиками и интеллектуалами еще в родительском доме. То же самое касается политической ангажированности и полемической страстности великого ученого: Вебер с юных лет жил в атмосфере острых общественных дебатов той эпохи — например, Берлинского спора об антисемитизме (1879–1881), кстати, спровоцированного частым гостем дома Веберов знаменитым историком Генрихом фон Трейчке, или дебатов 1882–1883 годов о характере объединения Германии между тем же Трейчке и дядей Макса Вебера, либеральным историком Германом Баумгартеном (S. 19).

Не меньший интерес с точки зрения понимания социализации будущего классика представляют сохранившиеся данные о его учебе в «Королевской гимназии императрицы Августы» в берлинском пригороде Шарлоттенбурге. Например, в выпускном для Макса Вебера 1882 году из 302 гимназистов 273 были протестантами, 7 — католиками, 21 — иудеями, а 1 являлся буддистом! Любопытно вместе с биографом заглянуть и в учебный план немецкой гуманистической гимназии конца 1870-х - начала 1880-х. Так, в классе уровня «Secunda» 1878/1879 учебного года юный Макс имел в неделю 8 часов латыни, 4 часа греческого и математики, 3 — истории, по 2 — немецкого, французского, иврита и религии, 1 час — физики. Параллельно со школой он получал мощные образовательные импульсы и из семейного окружения, которое, помимо политики на городском, прусском и имперском уровне, также интенсивно интересовалось наукой и социальным прогрессом. В письмах Вебера-гимназиста постоянно упоминаются подаренные или одолженные книги на исторические темы, а также сочинения античных авторов. Уже 12-летним Макс читает Гердера, Макиавелли и Лютера. Его мать Хелена изучала с ним французскую литературу, а кроме того, оплачивала репетитора по английскому, учителя музыки (фортепьяно) и даже тренера по плаванию (S. 21–22). В 16

лет он совершает свое первое самостоятельное образовательное путешествие, завершившееся посещением знаменитого философа Вильгельма Дильтея в Бреслау! При этом биограф отмечает, что юный Макс проявлял мало интереса к естественным наукам...

К счастью для нас сохранился протокол устного экзамена М. Вебера от 20 марта 1882 года со следующими оценками: религия — удовлетворительно, латынь (Цицерон) — хорошо, Гораций — удовлетворительно, греческий — хорошо, математика — удовлетворительно, история — хорошо, иврит — удовлетворительно. Также в протоколе сохранилось замечание по поводу тех ответов, которые будущий автор «Протестантской этики» дал на выпускном экзамене по религии: «На вопросы о страстях и Пасхе он ответил правильно, как и на некоторые вопросы о соотношении различных Евангелий и их различиях. Содержание Евангелия от Иоанна он передал без значительных сбоев, но цитировал места из Библии неточно». Помимо этого забавного замечания экзаменаторов о будущем великом социологе религии, сохранился и годовой отчет Шарлоттенбургской гимназии за 1882 год, где выходящий в большую жизнь Макс Вебер аттестован следующим образом: «Макс Вебер из Эрфурта, сын господина городского советника и депутата Вебера, лютеранин, 17 лет, проучился 10 лет, два года в классах „Prima“, собирается изучать право» (S. 23–24).

Один из отцов-основателей социологии, Вебер действительно стал в апреле 1882 года студентом юридического факультета в Гейдельберге, оказавшимся для него впоследствии основным местом научной и жизненной активности. Помимо права Макс также посещал лекции по национальной экономике, истории и философии — как в Гейдельберге (1882–1883), так и в Страсбурге (1883–1884), Берлине (1884–1885) или Геттингене (1885–1886), где сдал экзамен на юриста. Как отмечает Хюбингер, студенческие годы Вебера характеризуются одновременно необычайным упорством в учебе и не менее полноценным участием в студенческих культурных практиках с их алкоголем, дуэлями буршей на шпагах и т. д. При этом сам Макс не видел в этом противоречия, с одной стороны, презирая примерных карьеристов-зубрил, а с другой иронизируя над студентами типа «старый пивной скелет» (S. 25).

У кого же учился Вебер-студент? Среди известных сегодня имен в качестве его университетских учителей можно выделить философа Куно Фишера, историка Генриха фон Трейчке, правоведа Рудольфа фон Гнейста и др. Как и во время школы, одновременно с официальной программой, уже в первый университетский семестр он разработал собственный учебный план, в котором фигурировали работы Шлейермахера, Штрауса и исследования по павлинизму, заведшие его «глубоко в теологию». Вместе с первым юридическим экзаменом, сданным 15 мая 1886 года, Макс Вебер формально завершил свое университетское образование. Далее следовал четырехлетний референдарият, закончившийся вторым «ассессорским» экзаменом (S. 27–28).

Биограф справедливо отмечает тот факт, что, начав свой университетский путь в Гейдельберге, Вебер именно там напишет свои знаменитые труды: в этом смысле для конца XIX — начала XX века парадоксально, что не тогдашние реальные «лаборатории модерна» вроде Парижа, Лондона или Берлина, а небольшой городок в Бадене с его уникальной по плотности научной средой оказался удачным местом для интенсивной проработки типично современных тенденций в экономике, религии, этике и эротике (S. 4).

Второй раздел книги «Идеи и идейная борьба» (S. 85–157) посвящен ряду проблем, с которыми сталкивались интеллектуалы начала XX века: от художественной литературы как способа исследования современности (на примере романа Т. Манна «Будденброки») до появления социального института массового чтения и роста социального престижа журналиста и литератора; от общей интеллектуализации мира с выделением интеллектуалов как особого типа социальных акторов (в том числе на примере Русской революции) до конкретных примеров «социологии интеллектуалов». Веберовское понимание интеллектуалов как специалистов по работе с религиозными идеями, оказывающимися содержательно значимыми вехами для своих обществ, связывает религию и политику, превращая историческую проблему слоев-носителей тех или иных убеждений в релевантную для современности проблему поляризирующей общества идеологической борьбы.

В этом отношении примечательна глава 9 «Антисемитизм и поляризирующий модерн» (S. 143–157), в которой Хюбингер рассматривает немецкие антиеврейские настроения как постоянный фон, сопровождавший Макса Вебера от школы до последнего семестра в Мюнхене в 1920-м. Антисемитизм современного типа интересует биографа прежде всего в контексте доминировавшего тогда самопонимания немцев как культурной нации, ориентированной на образование и общественную интеграцию. При этом антисемитские коды и метафоры циркулировали не только в публичном пространстве, как показали те же Берлинские дебаты вокруг высказываний Трейчке, но и в пространстве немецкой академии. Как отмечал Вебер в свои студенческие годы, значительная часть не только студентов, но и профессуры активно использовали этот язык. Хюбингер фиксирует при этом, что в лексиконе самого Вебера также присутствуют характерные для этой среды слова-маркеры. Так, исследователь обнаружил в частной переписке ученого антисемитские высказывания даже в адрес некоторых коллег и партнеров (например, Э. Яффе). При этом историк отмечает, что в своих программных научных и политических выступлениях Макс Вебер однозначно высказывался против антиеврейских кампаний. Со слов его ученика Пауля Хонигсхайма известен анекдот времен веберовского пребывания в Гейдельберге в качестве частного ученого из-за болезни нервов: якобы однажды он высказался в том духе, что если однажды выздоровеет и вновь будет вести семинар, то примет в него только русских, поляков и евреев¹⁹. Не менее показательным в этой связи, что, став сооснователем уже во время Веймарской

19. Honigsheim P. (1963) Erinnerungen an Max Weber // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft № 7. S. 172.

республики Немецкой демократической партии, ученый столкнулся с тем, что она воспринимается в определенных кругах именно как «еврейская». В письме к отцу Георга Лукача Вебер в январе 1920 года заметил: «Академические настроения стали крайне реакционными и кроме того радикально антисемитскими» (S. 143).

Третий раздел «Порядки политического знания» (S. 161–238) включает в себя главы о положении политической науки на рубеже XIX–XX веков, о новой политической социологии в лице Вебера и Роберта Михельса, а также о соотношении веберовской «социологии государства» со взглядами на феномен современного государства у выдающегося правоведа Г. Еллинека и крупного историка Отто Хинтце. Как показывает здесь Хюбингер, сциентизация мышления о порядке одновременно с общественной демократизацией вызвала необходимость прояснить границы и специфику тематизации политического в рамках юридического, исторического и социально-экономического дискурсов. Поскольку собственно политическая наука тогда еще не существовала, то это прояснение вынуждено протекало внутри сложившихся дисциплинарных сообществ. В этом смысле интенсивная и интеллектуально плодотворная переписка с Р. Михельсом стала для Вебера той коммуникативной площадкой, на которой он мог принять участие в создании собственно политической социологии в условиях поздней Германской империи. Примечательно, что в постреволюционные годы Макс Вебер сам использовал формат читавшегося в университетах курса «Общее учение о государстве и политика», чтобы активно экспериментировать с содержанием. Объявляя свой курс в Мюнхенском университете в 1920 году, он добавил к привычному названию подзаголовок «социология государства», пытаясь нащупать новое понимание политического знания.

Биограф подчеркивает, что как *homo politicus* Вебер в новой Германии пытался выступать сразу в трех ролях: в качестве советника при разработке нового конституционного порядка, в качестве отстаивающего демократические ценности и правила публициста, а также в качестве политического ученого, аналитически исследующего природу и типы господства. Сами условия постреволюционного общества способствовали экспериментированию с понятиями. Например, понятие «цезаризм» не применялось им в знаменитой главе о господстве в «Хозяйстве и обществе». Теперь же оно занимает важное место в веберовском анализе практик господства, основанных на массовом политическом участии. Стоит ли говорить, что взгляд Вебера на плебисцитарно-аккламативные техники власти сохраняет свою релевантность и через сто лет, в эпоху расцвета так называемых новых популистов...

Четвертый раздел «Переустройство Германии и мира» (S. 241–304) посвящен взглядам Вебера на реформы в позднем рейхе и послевоенное будущее Европы. Примечательно, что еще в 1915 году ученый рассчитывал занять престижный среди немецких интеллектуалов пост политического советника правительства (например, по вопросу Бельгии, а затем Польши), что позволило бы ему вступить в прямой контакт с членами кабинета. Однако правительственные чиновники

не простили широко известному публицисту его разгромную критику кайзеровской политики неограниченной подводной войны, нереалистических аннексионистских планов и т. п. При этом сам Вебер, после собственного первоначального восторга по поводу «великой и чудесной войны», уже в конце 1915 года сравнивал пропагандистов безграничной военной экспансии Второго рейха с «самыми безответственными политиканами из пивных»²⁰. По мере продолжения общеевропейской бойни пафос Вебера как политического комментатора все больше смещался от внешне- к внутреннеполитическим целям. Учреждение Веймарской республики в этом смысле со всей остротой поставило перед политическим и интеллектуальным классом Германии проблему примирения идеи устойчивого социального порядка с либерально-конституционными ценностями свободы. Именно в этом контексте Вебер оказался важнейшим комментатором, пытавшимся послать широкой общественности импульсы, направленные на согласование интересов капиталистической экономики и демократического по дизайну политического господства. При этом трудно не заметить внутрилиберальные разногласия, например, относительно доминирования в будущей конструкции элитарно-демократических структур.

В этом отношении особый интерес представляет глава 17 «Культур-социология и проблемы демократии: Макс Вебер, Альфред Вебер, Эрнст Трельч». Как показывает в ней Хюбингер, эти видные представители гейдельбергской интеллектуальной сцены в условиях революционной фазы демократизации Германии пытались «культурно-социологически» проблематизировать новые формы политического — причем одновременно на уровне институционального порядка демократического господства, идейно-дискурсивного обоснования нового режима и социокультурного проникновения демократических ценностей. При этом «проблемы с демократией» затронули Вебера непосредственно: в вебероведении широко известны слова, высказанные им при выходе из Немецкой демократической партии²¹ 14 апреля 1920 года после попытки однопартийцев уполномочить его участвовать в программе «социализации» хозяйства: «Политик должен и обязан идти на компромисс. Но моя профессия — ученый» (S. 288). Биограф справедливо указывает на амбивалентность веберовского понимания демократии: активно аги-

---

20. Так, в Германии во многих заведениях у постоянных компаний были зарезервированные столы (Stammtisch), за которыми тогдашние «пикейные жилеты» обсуждали политику и играли в карты. Этот культурный феномен зафиксирован в немецком языке в семантике целого ряда понятий (Stammtischpolitik, Stammtischparolen, Stammtischniveau), негативно маркирующих интеллектуальный уровень дискуссий за кружкой пива. Социологически в них ясно отражается сомнение в содержательной осмысленности столь радикального расширения «демократического участия».

21. НДП объединила в своих рядах таких тогдашних и будущих знаменитостей, как министр иностранных дел Веймарской республики Вальтер Ратенау, первый президент ФРГ Теодор Хойс, нобелевский лауреат писатель Томас Манн, философ Эрнст Кассирер, лауреат Нобелевской премии мира Людвиг Квидде, «отец» Веймарской конституции Гуго Пройс и др. Первым председателем партии стал теолог Фридрих Науман. Не без его влияния в рядах НДП оказался и Макс Вебер. Подробнее о Вебере-политике см.: *Кильдюшов О.* (2010). Немецкий национал-либерализм как зеркало русского национального движения // Вопросы национализма. № 2. С. 141–157.

тируя сограждан за новые принципы и ценности, как социолог господства Вебер довольно критически относился к возможности «демократии без руководства», предпочитая парламентской «коалиционной коллегиальности» «плебисцитарную вождистскую демократию»²² (S. 295).

Завершает книгу раздел «Окружение Вебера и наука» (S. 307–379), объединивший главы, посвященные сравнению в контексте культуры авангарда таких разных научных сред и сцен, как веберовский круг в Гельдельберге, Венский кружок и круг Штефана Георге. Исследователь рассматривает эти интеллектуальные движения — подобно различным марксистским, дарвинистским и ницшеанским течениям — как характерные для начала XX века разнонаправленные попытки концептуальной или художественной интерпретации эпохи как своеобразной лаборатории модерна. При этом он скорее ставит вопрос, нежели утверждает о существовании вокруг Вебера некоего устойчивого объединения подобно тому же Венскому кружку. Для ответа на этот вопрос он и проводит на первый взгляд неожиданное сравнение этих двух интеллектуальных сцен, выявляя как противоположности, так и точки соприкосновения в контексте авангарда. Связующим звеном между ними можно считать австромарксистки ориентированного экономиста Эмиля Ледерера, прямо относившего себя к кругу Макса Вебера и при этом поддерживавшего тесные контакты с одним из лидеров Венского кружка Отто Нейратом. По мнению близко знавших Вебера, его специфический стиль мышления ярко воплощал идею свободного индивида, находящегося в постоянной борьбе с принудительной силой социального порядка: веберовский «конфликт-либерализм» не вписывался в упрощенную схему выбора между левой утопией «рая на земле» и воспринимаемой как несправедливость реальностью фактических отношений господства.

Нетрудно заметить, что при анализе гейдельбергской интеллектуальной сцены Г. Хюбингер в целом следует за М. Райнером Лепсиусом, который в этой связи говорит о возникшей вокруг великого ученого уникальной «социально-моральной среде»²³. Именно в этой плотной сети научно-культурных связей Вебер разработал оригинальные методы анализа противоречий модерна начала XX века посредством историко-теоретических моделей, включающих множество измерений. Пауль Хонигсхайм ввел в оборот понятие «социология веберовского круга», обозначающее специфическую сцену «интеллектуально одержимых» ученых, включенных в процесс интеллектуализации жизни. В этом смысле личная причастность Вебера и его окружения к охватившей культурный мир модерна

---

22. Веберовские представления о *Führerschaft* и «плебисцитарной вождистской демократии» постоянно провоцируют вопрос — явно не без влияния важного исследования Вольфганга Моммзена «Макс Вебер и немецкая политика», — как бы повел себя Вебер по отношению к Гитлеру и движению национал-социалистов. См.: *Mommsen W. J. (1959). Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen: Mohr.*

23. *Lepsius M. R. (2016). Max Weber und seine Kreise: Essays. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).* См. нашу рецензию на данную работу: *Kildyushov O. (2019). On the «Topological» Reading of Max Weber // Russian Sociological Review. Vol. 18. № 2. P. 202–205.*

сциентизации, прежде всего социального знания поставила перед ними вопрос о самостоятельной ценности науки применительно к порядкам жизни. Наконец, в последней главе «Ученый и ценность науки» (S. 359–379) Хюбингер обсуждает вопросы, связанные с сегодняшней актуальностью веберовских импульсов — в какой мере развитие и критика концептов классика позволяет уточнить наше понимание универсально-исторических проблем начала XXI века.

Книга Гангольфа Хюбингера имеет подзаголовок «Этапы и импульсы интеллектуальной биографии». На взгляд рецензента, этому блестящему знатоку веберовского наследия действительно удалось на документальной основе осветить многие важнейшие моменты творчества классика и проследить интеллектуальные импульсы, делающие Макса Вебера актуальным собеседником и для нас сегодня.

New Intellectual Biography of Max Weber

Oleg Kildyushov

Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Book Review: Gangolf Hübinger, *Max Weber: Stationen und Impulse einer intellektuellen Biographie* (Tübingen: Mohr Siebeck, 2019).